

БЕЛОРУССКИЙ ЭКЗАРХАТ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
«ХРИСТИАНСКИЙ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР
ИМЕНИ СВЯТЫХ МЕФОДИЯ И КИРИЛЛА»
ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«ИНСТИТУТ ТЕОЛОГИИ
ИМЕНИ СВЯТЫХ МЕФОДИЯ И КИРИЛЛА»
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Наследие Святых Кирилла и Мефодия в мировой духовной культуре

СБОРНИК ДОКЛАДОВ **XXV**
МЕЖДУНАРОДНЫХ
КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКИХ
ЧТЕНИЙ

30–31 мая 2019 года
Институт теологии БГУ

Минск
2020

УДК [27+008] (082)
ББК 86.37
НЗ1

Рекомендовано к изданию решением
Совета Института теологии БГУ
(протокол № 4 от 20.02.2020 г.)

Редакторы-составители: Сергей Иосифович Шатравский,
священник Святослав Рогальский

Рецензенты:

кандидат философских наук, кандидат богословия, преподаватель кафедры апологетики Минской духовной академии протоиерей Сергей Мовсесян;
кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета Карасева С.Г.

НЗ1

Наследие святых Кирилла и Мефодия в мировой духовной культуре. Сборник докладов Юбилейных XXV международных Кирилло-Мефодиевских чтений / ГУО «Институт теологии имени святых Мефодия и Кирилла» Белорусского государственного университета: С. И. Шатравский, священник Святослав Рогальский. – Минск.: Христианский образовательный центр имени святых Мефодия и Кирилла, 2020 - 492 с.

ISBN 978-985-90501-5-2

Сборник включает в себя материалы Юбилейных Международных Кирилло-Мефодиевских чтений, которые в 2019 году были посвящены анализу наследия святых Кирилла и Мефодия в мировой духовной культуре. На страницах сборника представлены тексты как светских ученых – философов, религиоведов, культурологов, историков, так и богословов, представителей различных конфессий.

Сборник адресован специалистам в области гуманитарного знания, а также всем, интересующимся вопросами взаимодействия религии и культуры. Тексты выступлений публикуются в авторских редакциях. Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов. Редакция не несет ответственности за достоверность предоставленной информации.

УДК [27+008] (082)
ББК 86.37

ISBN 978-985-90501-5-2

© ГУО «Институт теологии имени святых Мефодия и Кирилла» Белорусского государственного университета, 2020.
© Оформление. МОО «Христианский образовательный центр имени святых Мефодия и Кирилла», 2020.

УСЛОВИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВОСЛАВНЫХ ПРИХОДОВ В БССР (1960-е – 1980-е гг.)

С. В. Мандрик¹, А. О. Горанский²

¹*УО «Белорусский государственный аграрный технический университет»,
Отделение катехизаторов Минского духовного училища
Минск, Беларусь*

E-mail: sveta-mandrik@yandex.by

²*Отделение катехизаторов Минского духовного училища
Минск, Беларусь*

E-mail: agora-svetich@yandex.by

Одним из направлений антирелигиозной кампании в СССР конца 1950-х – начала 1960-х гг. было разрушение нормальной жизни церковных приходов и в первую очередь структуры приходского управления, в результате чего приходское духовенство и архиереи были полностью отстранены от финансовой-хозяйственной деятельности приходов. Эта долгосрочная система мероприятий привела к закрытию большого количества храмов, отрыву духовенства от паствы и к его дискриминации, прекращению проповеднической деятельности, полному контролю и подчинению органам власти всех сторон жизни и деятельности приходов с целью ее ограничения и прекращения.

Ключевые слова: антирелигиозная кампания, реформа приходского управления, закрытие храмов, нарушение прав верующих, церковные приходы.

THE CONDITIONS OF ACTIVITY OF ORTHODOX PARISHES IN SOVIET BELARUS (1960s – 1980s)

S. V. Mandryk¹, A. O. Haranski²

¹*Belarusian state agrarian technical University,
Department of catechists of the Minsk theological College
Minsk, Belarus*

²*Department of catechists of the Minsk theological College
Minsk, Belarus*

One of the directions of the anti-religious campaign of the late 1950s – early 1960s in USSR was the destruction of the normal life of church parishes and, first of all, the structure of parish administration. As a result, the parish clergy and bishops were completely removed from the financial and economic activities of the parishes. This long-term system of activities led to the closure of a large number of churches, the separation of the clergy from the believers and its discrimination, the cessation of preaching activities, full control and subordination to the authorities of all sides of life and the activities of parishes in order to limit and stop it.

Keywords: anti-religious campaign, reform of parochial administration, closing of churches, violation of the rights of the believers, parishes.

Одним из направлений антирелигиозной кампании конца 1950-х – начала 1960-х гг. было разрушение нормальной жизни церковных приходов и в первую очередь структуры приходского управления. 13 января 1960 г. ЦК КПСС принял постановление «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах», в котором фактически шла речь о переходе под контроль государственных органов всей деятельности церковных приходов [1]. В связи с этим в ноябре 1960 г. новый председатель Совета по делам Русской православной церкви (СДРПЦ) В. Куроедов и председатель Совета по делам

религиозных культов (СДРК) А. Пузин направили в ЦК КПСС меморандум с предложением рекомендовать Московской Патриархии внести изменения в статьи раздела IV «Положения об управлении Русской Православной Церкви» 1945 г. с тем, чтобы оно было приведено в соответствие с советским законодательством о культах 1929 г. [2] 16 марта 1961 г. Совет Министров СССР принял закрытое постановление «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах», (продублировано 19 апреля Советом Министров БССР [3]), в котором указывалось на необходимость «восстановления прав исполнительных органов церковных общин в части ведения финансово-хозяйственной деятельности в соответствии с законодательством о культах» [4]. В этот же день СДРПЦ совместно с СДРК принял «Инструкцию по применению законодательства о культах», разработанную специальной комиссией ЦК КПСС, ст. 4 которой (повторяя положение постановления 1929 г.) давала исполкомам местных органов власти право отвода отдельных лиц из состава членов исполнительного органа и ревизионной комиссии религиозного общества с уточнением, что такого права не имеют служители культа и религиозные центры. Пункт «а» ст. 11. данной инструкции запрещал «религиозным центрам» (епархиальным управлениям и Патриархии) пользоваться находящимися в их распоряжении средствами и имуществом для помощи церквям и монастырям, «которые не поддерживаются населением, отошедшим от религии» [5].

Под жёстким давлением власти 18 апреля 1961 г. Священный Синод РПЦ принял постановление «О мерах по улучшению существующего строя приходской жизни» [6]. 18 июля 1961 г. Архиерейский Собор Русской Православной Церкви снова под давлением со стороны государства утвердил данное постановление Синода и внес соответствующее изменение в «Положение об управлении РПЦ». Архиереи, которые могли выступить с возражениями против изменения приходского управления, не были приглашены на Собор, а те, что все-таки явились – не допущены на его заседания.

Принятые изменения предполагали, что для управления приходом организуется два органа: церковно-приходское собрание (собрание членов-учредителей) и церковный совет – исполнительный орган в составе трех человек (старосты, его помощника и казначея), избираемых из прихожан. Церковный совет управляет финансово-хозяйственной жизнью прихода: осуществляет финансовые операции, содержание священнослужителей, обеспечивает храм и богослужения в нем всем необходимым. За сохранность церковного здания и имущества церковный совет несет ответственность перед гражданскими властями. Настоятель прихода и другие священники совершают богослужения, Таинства и требы и руководят духовно-нравственной жизнью прихожан, за что ответственны перед Богом и своим епархиальным архиереем. Исполнительный орган не вмешивается в распорядок богослужения и во взаимоотношения членов причта между собой. Из пункта 30 раздела III «Епархии» было исключено положение о том, что архиерей наблюдает за правильностью финансовой стороны деятельности прихода [7].

На практике эти изменения вылились в полномасштабную реформу приходского управления, которая, по сути проводилась и контролировалась государством, хотя требования государства к церковной власти и право контроля над их выполнением не были юридически обоснованы. Под давлением и контролем государства духовенство было отстранено от руководства приходскими. Священнослужители должны были заниматься общиной для «исполнения религиозных потребностей» по договору, который исполнительный орган мог расторгнуть в одностороннем порядке в любое время. Заседания приходского собрания, избравшего приходской совет, созывались с разрешения местного исполкома без согласования со священником. Священнослужители на приходские собрания не допускались и в деятельности приходского совета не участвовали [8]. Фактически руководителями приходской жизни становились председатели церковных советов (старосты), как правило, подобранные местными органами власти из людей часто совершенно неверующих. Власть епархиального архиерея над приходскими была

минимизирована до такой степени, что к архиерею приходская община теперь могла обращаться лишь по вопросам исключительно богослужебного характера, а после снятия с регистрации настоятеля приход становился подведомственным только государственным органам.

Неблагоприятные последствия изменения приходского управления очень скоро проявились в церковной жизни Беларуси. Новый порядок приходского управления дал возможность государственным органам учитывать и контролировать все финансовые средства приходских общин, источники их поступления и статьи расходования, что позволяло использовать эту информацию в целях уменьшения поступления средств в церковные общины [9]. При этом приходы оплачивали получаемую от государства электроэнергию по чрезвычайно высокому тарифу: если государственные организации и предприятия платили за киловатт электроэнергии по ценам после денежной реформы 1961 г. 4 копейки, то приходы – 24 [10]. При таких материальных условиях исполнительные органы отдельных приходов отказывались от «найма» священников, как это было, например, в Залеской церкви Сморгонского района Гродненской области, в Слонимской церкви и других храмах. В одном из районов Гродненской области в 5 из 9 действующих церквей общины отказались от священников. После ухода священника и прекращения богослужений в храме церковь обычно закрывали, а религиозное общество снимали с регистрации «как распавшееся и прекратившее свою деятельность» [11].

В качестве продолжения реформы приходского управления с целью снижения заинтересованности духовенства в совершении богослужений и треб в 1962 г. СДРПЦ было принято решение перевести священников на твердые оклады [12]. После того как весной 1962 г. все православное духовенство в БССР было переведено на твердые оклады, начался процесс снятия с регистрации тех священников, которые получали плату непосредственно от верующих, совершая церковные требы без ведома исполнительных органов приходов. Например, священник в деревне Дубина Молодечненского района Минской области в феврале 1963 г. был снят с регистрации, так как «лично брал с верующих плату за религиозные обряды, минуя церковный исполнительный орган, потому что не имел возможности прожить с семьей на получаемое из церкви жалование в сумме 45 рублей в месяц» [13]. Несмотря на перевод духовенства на твердые оклады, его доходы по-прежнему облагались налогом в соответствии со ст. 18 Указа Верховного Совета СССР от 30 апреля 1943 г. «О подоходном налоге с населения», т. е. как «доходы от частного предпринимательства». Ставка такого обложения составляла 81% от месячного дохода священнослужителя. Только указом «О ставках подоходного налога для служителей религиозных культов и других лиц, участвующих в совершении религиозных обрядов» от 21 ноября 1980 г. Президиум Верховного Совета СССР переключил доход духовенства в соответствии со ст. 19 упомянутого указа («личные доходы»), по которой ставка подоходного налога составляла 69% [14].

Поставленные вследствие жесткой налоговой политики в тяжелое экономическое положение, при твердых окладах, высоких налогах и запрете совершать требы вне своего храма или получать поддержку от епархиального управления, некоторые священники вынуждены были либо переходить на другой «более сильный» приход, либо уходить на пенсию или на гражданскую службу, поскольку приходские советы часто не могли обеспечить им даже минимальной оплаты труда (30–50 рублей в месяц) [15]. Вакантные места на таких приходах никто из священников занимать не хотел, богослужения в них не совершались, и религиозное общество снималось с регистрации «как прекратившее свою деятельность».

Такая политика имела долговременные последствия, поскольку, когда в 1970-е гг. массовое закрытие церквей прекратилось, в результате продолжающейся миграции сельского населения в города некоторые сельские приходы прекращали свое существование из-за малочисленности прихожан, которые не могли содержать священника и храм. Так, например, приход в городском поселке Большая Берестовица Гродненской

области 2 декабря 1967 г. был снят с регистрации как прекративший свою деятельность, поскольку церковь не действовала с 1963 г., когда ее настоятель ушел на пенсию, а назначенный на этот приход священник, отказался занять это место из-за низкого дохода в приходе [16].

Таким образом, с одной стороны, осуществлялся подрыв кадровой основы существования церковной структуры, приведший к острой нехватке кадров священников в БССР в середине 1960-х – середине 1970-х гг., когда в некоторых местах священники обслуживали по два три прихода, а с другой – духовенство ставилось в такое положение, что вынуждено было подчиняться любым, даже абсолютно необоснованным и незаконным требованиям советских должностных лиц.

Проведенная реформа сказалась также на богослужебной и проповеднической деятельности духовенства. Уполномоченный СДРПЦ по Гродненской области указывал, что священники с 1961 г. мало обращаются с проповедями к верующим, поскольку, «проведенная перестройка в управлении церковью подорвала авторитет священника, а также есть опасения с их стороны, что пришедшие в церковные советы лица могут неправильно истолковать их проповеди» [17]. Опасения духовенства не были беспочвенными. В феврале – марте 1961 г. по заданию обкомов КПБ в районах БССР специально набирались люди, которые присутствовали на богослужениях с целью прослушивания проповедей священников и выявления в них антисоветского и антиобщественного содержания. Например, прозвучавшее в проповеди высказывание настоятеля церкви в деревне Слобода Мядельского района о том, что в Римской империи было много язычников, не веривших в Бога, и потому империя была разрушена до основания, райком партии расценил как политическую пропаганду против советского общественного и государственного строя. В связи с этим райком обратился в обком, с предложением поручить уполномоченному СДРПЦ принять к священнику меры вплоть до лишения его права совершать богослужение [18]. В 1961 г. за проповедническую деятельность только по Минской области было снято с регистрации 4 священника и 9 строго предупреждены [19]. В итоге большинство священников прекратили произносить проповеди.

Созданная и реализованная во время инициированной Н. Хрущевым антирелигиозной кампании конца 1950-х – начала 1960-х гг. система целенаправленного и широкомасштабного ограничения деятельности приходов имела долгосрочный, комплексный характер и поставила под всесторонний и скрупулезный контроль со стороны партийных и государственных органов все стороны деятельности приходов и священнослужителей. Антицерковная направленность этой системы была лишь несколько завуалирована после отставки Н. Хрущева, продолжая действовать в основных своих элементах и положениях вплоть до 1980-х гг. Так, в августе 1970 г. в Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС из Совета по делам религий (СДР) было направлена справка «Об итогах перестройки церковного управления и работе по усилению контроля за деятельностью религиозных объединений», в которой отмечалось, что «перестройка церковного управления служит интересам советского государства», и давалась самая высокая оценка этой перестройке, поскольку «она оказалась самым крупным, наиболее эффективным, полезным для государства мероприятием» [20]. Отстранение духовенства от управления финансово-хозяйственной деятельностью приходских общин позволило осуществить мероприятия, которые на определенном этапе подорвали материальную базу деятельности приходов и привели к прекращению существования многих из них, а также, что самое главное, к отрыву духовенства от верующих и падению авторитета священников в глазах прихожан. Реформа приходского управления привела к закрытию под разными предлогами большого количества храмов. Только за период 1960–1964 гг. в БССР было закрыто 508 храмов, (их количество уменьшилось с 947 до 439, что составляет 46%). Численность духовенства сократилось в 1961–1964 гг. на 204 человека (с 649 до 445 человек) [21]. Всего

же за период с 1960 г. до прекращения закрытия храмов в середине 1970-х гг. в БССР было снято с регистрации 748 приходов [22], что в пропорциональном отношении больше, чем в других республиках СССР. Некоторые храмы после закрытия, «чтобы не возбуждать религиозных чувств верующих» разрушались. Это порой происходило даже несмотря на то, что многие церковные здания являлись памятниками истории и архитектуры. Например, в 1961 г. по личному поручению председателя Витебского горисполкома была взорвана Благовещенская церковь – один из древнейших храмов на территории Беларуси, уникальный памятник архитектуры XII в.

Неканоничная и дискриминационная система приходского управления была изменена только в 1988 г., когда на Поместном Соборе был принят новый «Устав об управлении Русской Православной Церкви», в котором духовенству возвращались прежние права в управлении приходами. Согласно новому «Уставу...» клирики включались в состав приходского собрания, а председательство в приходском собрании предоставлялось настоятелю прихода (Раздел VIII «Приход», ст. 9–11, 24–25) [23].

ЛИТЕРАТУРА

1. Чумаченко, Т. А. *Государство, Православная Церковь, верующие. 1941–1961 гг.* / Т. А. Чумаченко, – М.: Ауро ХХ, 1999. – С. 371.
2. Там же. – С. 50.
3. *Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ).* – Ф. 951. – Оп. 4. – Д. 30. – Л. 41.
4. *Поспеловский, Д. В. Русская Православная церковь в XX веке.* / Д. В. Поспеловский, – М.: Республика, 1995. – С. 220.
5. *Государственный архив Минской области (ГАМО).* – Ф. 812. – Оп. 1. – Д. 43. – Л. 9–17 об.
6. *О мерах по улучшению существующего строя приходской жизни: Постановление Священного Синода Московской Патриархии, 18 апр. 1961 г.* // Журнал Московской Патриархии (ЖМП). – 1961. – № . – С. 6.
7. *Архиерейский Собор Русской Православной Церкви 18 июля 1961 г.* // ЖМП. – 1961. – № 8. – С. 15–17.
8. *Шкаровский, Н. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве / Н. В. Шкаровский.* – М., 1999. – С. 379.
9. НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 3. – Д. 30. – Л. 17.
10. *Поспеловский, Д. В. Русская Православная церковь в XX веке.* / Д. В. Поспеловский, – М.: Республика, 1995. – С. 357.
11. НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 3. – Д. 32. – Л. 6–63.
12. НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 4. – Д. 31. – Л. 2–4.
13. НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 3. – Д. 61. – Л. 243.
14. ГАМО. – Ф. 812. – Оп. 1. – Д. 69. – Л. 55–56.
15. НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 3. – Д. 56. – Л. 48.
16. НАРБ. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 17а, 18, 20–26.
17. НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 3. – Д. 53. – Л. 115.
18. ГАМО. – Ф. 3196. – Оп. 1. – Д. 9. – Л. 49.
19. НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 4. – Д. 32. – Л. 179–180.
20. *Васильева, О. Государственно-церковные отношения советского периода: периодизация и содержание / О. Васильева // Православие.ru [Электронный ресурс]. – 2003. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/archiv/sovietstate-church.htm#1>. – Дата доступа: 20.11.2005.*
21. НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 3. – Д. 72. – Л. 42.
22. НАРБ. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 73. – Л. 33.
23. *Устав об управлении Русской Православной Церкви, 1988 г.* // *Русская православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью: в 2 т.* / сост. Г. Штрикер. – М., 1995. – Т. 2. – С. 235–241.